

---

---

# ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

---

---

## ОБЩЕСТВО И ПРИРОДА: ТРАНСФОРМАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Вебер А. Б.\*

*Взаимодействие общества и природной среды – важнейший фактор человеческой деятельности. Он по-разному проявляется, воспринимается и оценивается в разные эпохи в зависимости от типа культуры, мировоззренческих взглядов и непосредственных интересов людей. Одно из последствий развития мировой цивилизации – деформация социальных и природных условий жизни, которая чревата угрозой для самого существования человека. Переосмысление доминирующей ныне основы общественного развития становится все более настоятельной задачей. Необходимы такие изменения, которые позволили бы минимизировать существующие риски и угрозы. Это предполагает соответствующие изменения в сознании, поведении, образе жизни людей, в международных отношениях. В этом смысл концепции устойчивого (sustainable) развития, у которой, однако, немало влиятельных противников. Цели устойчивого развития не стали пока приоритетом в мировой политике. Руководители государств, мировые лидеры должны дать планете шанс на глобальную безопасность и надежное, устойчивое будущее.*

**Ключевые слова:** общество и природа; общественное развитие; риски и угрозы; цели устойчивого развития; мировая политика; глобальная безопасность.

## SOCIETY AND NATURE: THE TRANSFORMED INTERACTIONS AND EVOLUTION OF INTERPRETATIONS

*The interaction between society and its natural environment is the most important factor for the human activity. It is manifested, perceived and evaluated in different ways in different epochs, depending on the type of culture, worldview and people's actual interests. One of the consequences of the development of world civilization is the deformation of social and natural environment, which threatens to the very existence of human being. Re-thinking of the currently dominant basis of social development is becoming an increasingly urgent task. There are needed changes that would allow minimization of the existing risks and threats. This implies relevant changes in people's consciousness, behavior, and way of life, as well*

---

\* Вебер Александр Борисович – д. и. н., главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. E-mail: p.v3ber@yandex.ru.

Alexander B. Weber – Dr. Hist., Leading Researcher, Institute of Sociology, Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: p.v3ber@yandex.ru.

*as in international relations. This is the essence of the concept of sustainable development. But it has many influential opponents. The Sustainable Development Goals have not yet become a priority in world politics. Heads of state and world leaders must give the world a chance for global security and a reliable and sustainable future.*

**Keywords:** *society and nature; social development; risks and threats; sustainable development goals; world politics; global security.*

Все говорит о том, что существующая модель капитализма – а это сегодня основа общественного устройства в подавляющем большинстве стран – исчерпала себя, в ее рамках нет больше выхода из клубка все более запутанных противоречий.

*В. В. Путин*

### **Введение**

В августе 2021 г. Межправительственная группа экспертов по изменению климата опубликовала первую часть своего нового, шестого оценочного доклада, который содержит тревожный вывод: глобальное потепление ускоряется, его реальные темпы превосходят прогнозируемые. Человечеству грозит вселенская катастрофа, если не будут приняты адекватные меры противодействия. И все это происходит в условиях переживаемой миром опаснейшей пандемии – тоже природного явления, но спровоцированной и некоторыми последствиями развития цивилизации на современном этапе с ее перенаселенными городскими агломерациями, высокой степенью мобильности и контактов людей, миграционными потоками, очагами нищеты, антисанитарии, загрязнения окружающей среды.

Почему это происходит? Ответ на данный вопрос кроется в постоянной трансформации взаимодействия общества и природы в результате смены способов и увеличения масштабов производства, развития общества и роста мирового населения.

Природа – это прежде всего источник средств существования человека, получаемых не в качестве «даровых услуг», а в результате производственной деятельности. Но она также является источником невзгод и опасностей, что вызывает естественное стремление ослабить зависимость от внешней природы, облегчить тяготы повседневного труда, овладеть природными силами, адаптироваться к вызываемым человеком видоизменениям природных основ общественного развития. В этом смысле окружающая среда есть продукт всей человеческой деятельности в прошлом и настоящем.

Во все времена были люди, которые пытались – на уровне знаний своего времени – осознать место человека в природе и сущность его отношений с ней. В наше время общественный дискурс по поводу диалектики отношений человека с природой приобрел новое качество и значение. Это обусловлено выходом антропогенного воздействия на нее за допустимые пределы. Грозящее нам истощение ограниченных, но жизненно важных природных ресурсов в условиях крайнего неравенства стран в обладании ими и распределении богатства ведет к обостре-

нию международных отношений, в том числе между державами, обладающими оружием массового уничтожения.

Такая ситуация стала закономерным следствием *спонтанности* мирового исторического процесса в его взаимосвязи с изменяющимися природными условиями.

### Религиозное понимание места человека в природе

На протяжении многих веков, вплоть до наступления Нового времени, в массовом сознании преобладали религиозные верования. Сначала в форме примитивной языческой мифологии, наделявшей непостижимые и враждебные человеку природные силы божественным духом, своих богов – сверхъестественным могуществом, а позднее – как веры в единого Бога, сотворившего все сущее, в том числе человека.

Иудео-христианская религиозная традиция представляла мир как Божье творение, в центре которого находится человек. В Ветхом завете говорится: Бог сотворил человека, вдохнул в него жизнь, поместил его в рай. Но когда Адам и Ева нарушили запрет, вкусив «от древа добра и зла», он изгнал их, наказав первых людей и их потомков смертностью, страданиями и тяжким трудом, однако благословил «владычествовать над всею землею»...

Закрепленный в Евангелии, этот своеобразный *антропоцентризм* не только надолго утвердился в европейской культуре, но и распространился за пределы западного мира. С ним психологически связана устойчивость веры в божественное провидение, в трансцендентную предопределенность явлений природы, общественного развития, человеческих судеб. Согласно этому воззрению, человек не волен в свободе выбора, обречен на смирение, покорность предназначенной судьбе, но может, впрочем, надеяться на спасение души и возрождение к новой жизни в будущем.

Эта вера в какой-то мере позволяла многим примиряться с невзгодами жизни, тяготами труда, гнетом власть имущих («опиум для народа!»). Вместе с тем идея спасения могла питать в сознании верующих и дух сопротивления, чаяния перемен, напоминая о себе вспышками протестных движений – в форме религиозных сект, а также sporadических крестьянских и городских восстаний.

К концу раннего Средневековья, на рубеже смены тысячелетий, возник феномен *хилиазма* (милленаризма) – упования на скорое второе пришествие Христа и установление тысячелетнего царства справедливости. В русле религиозного еще сознания стали пробиваться ростки новых, мирских представлений, преодолевавших влияние средневековой метафизики. Одно из свидетельств тому – появление в Англии учения францисканского монаха Уильяма Оккама (1285–1347).

Трактовка христианства в учении Оккама содержала предпосылки для утверждения в западноевропейском менталитете принципов индивидуализма и *утилитаризма* (как личной пользы). Это учение считают предшественником английского протестантизма, получившего пару столетий спустя распространение в Западной Европе. Критически относясь к Римской католической церкви, к папству, Оккам придерживался другого понимания отношений между человеком и Богом – без посредничества церковной иерархии.

Животворный импульс развитию европейской цивилизации дала эпоха Возрождения – с его вдохновляемым обращением к культурному наследию Антично-

сти, противостоянием церковной схоластике, признанием ценности человека как личности, верой в безграничные возможности воли и разума человека. Деятели эпохи Возрождения, несмотря на абстрактное еще понимание человека, прокладывали путь для будущей Реформации и для протестантской этики, отвечавшей потребностям нарождавшегося капитализма и буржуазного общества.

Но не везде. Культурным традициям стран Востока свойственны свои особенности. Специфика ислама, заимствовавшего, впрочем, многое из иудео-христианской религиозной традиции, а еще более – из конфуцианства, индуизма, буддизма, наложила свой отпечаток на развитие традиционных и нетрадиционных обществ на Востоке. Западная модель социально-экономического и политического развития воспринималась здесь неоднозначно и по большей части не дала аналогичных результатов.

Восточные религии породили иной тип культуры – почитание природы, ощущение единства всего живого, взаимосвязь человека и природы. Внушаемое ими отношение к труду, собственности, производственной деятельности, понимание обязанностей человека по отношению к семье, общине, государству, в отличие от проникнутого индивидуализмом западного христианства, согласуются скорее с кооперативным типом социальности. Но со временем природа оказалась там заложником демографии и нищеты.

### **Рыночный порядок и стихийность развития**

Еще на заре человеческой цивилизации хозяйственная деятельность людей обусловила потребность в обладании определенными вещами – запасом пищи, одеждой, жильем, орудиями труда. Когда же натуральное аграрное хозяйство стало выходить за свои узкие границы и появились разделение труда, имущественное расслоение, частная собственность, получила развитие потребность в *обмене* – сначала в форме дарения, а затем все больше в форме продажи излишков собственного производства, превышавшего потребности домашнего хозяйства. Расширение обмена привело к развитию товарно-денежных отношений, выделению торговли в особый род деятельности. Это способствовало накоплению личного опыта, знаний, расширению кругозора, побуждало более удачливых удерживать, сохранять, умножать выгоды от торговых обменов.

Позднее этот практический утилитаризм как тип культуры и нравственная норма [Яркова 2001] привел в Западной Европе к становлению капиталистического способа производства. Трудно сказать, действительно ли капиталистическая эпоха не отличалась более сильным стремлением к наживе, чем прежние эпохи, как утверждал знаток истории хозяйства Макс Вебер [1924: 222]. Но возможности наживы, которые давала торговля, были неизбежно ограничены узкой производственной базой традиционного аграрного общества, тогда как рационально организованное промышленное производство, основанное на использовании наемной рабочей силы, открывало новые возможности увеличения массы прибыли для собственников капитала.

Движимый стремлением предпринимателей к максимальному увеличению дохода, частный капитал способствовал ускорению роста производительных сил, поднимал на качественно новый уровень эффективность производства, не в последнюю очередь благодаря развитию естественных наук, что способствовало

появлению множества технических изобретений [Логвинов 2015], которые осваивались капиталом в коммерческих целях. Это привело к ускорению технического прогресса, позволяя превращать природные процессы в производительную силу.

Капитализм как общественный строй, основанный на рыночных отношениях и частной собственности, ориентирует деятельность людей на утилитарные принципы индивидуальной максимизации дохода и пользы [Козловски 1996: 10]. Буржуазному либерализму свойственно представление об индивиде как автономной личности, «человеке экономическом», поведение которого подчинено принципу утилитарной рациональности – калькуляции выгод и издержек, максимизации первых и минимизации вторых, стремлению к присвоению и обладанию. «Природа обладания вытекает из природы частной собственности» [Фромм 1986: 103]. Обладание как форма связи субъекта и объекта придает этой связи особый характер: значимость «я» для субъекта становится функцией объекта обладания. На место живой человеческой связи ставятся вещные отношения.

Общественная связь не исчезает, но она возникает не вследствие рефлексии, а *стихийно*, как следствие нужды или эгоизма индивидов. Эгоизм порождается не частной собственностью сам по себе (точнее, не только собственностью), его корни глубже, они лежат в двойственном характере сущности человека, в его общественном (в общности с другими) и одновременно отдельно-частном индивидуальном бытии. Преобладание стихийности в общественном развитии диктовалось объективными условиями, исключавшими возможность иного типа устройства общества. Да и религиозное сознание, проникнутое верой в божественное Провидение, в предопределенность хода событий, не располагало к активности с целью изменения существующего общественного порядка<sup>1</sup>.

Социальные философы и политэкономы прошлого пытались найти в стихийности капитализма благотворное начало [Белик 2013: 27–44]. «Пороки частных лиц – благо для общества», – такой парадоксальный тезис (возможно, с сатирическим подтекстом) развивал в своей знаменитой «Басне о пчелах» Бернард Мандевиль (1670–1733). Позднее Адам Смит (1723–1790) использовал в своем классическом труде о происхождении богатства народов метафору «невидимой руки» рынка, стремясь доказать, что стремление к личной выгоде непреднамеренно служит общему благу [Смит 2020: 315]<sup>2</sup>.

Ревностных защитников рыночной стихийности и культа частного интереса немало и сегодня. Согласно воззрениям крупнейшего в XX в. теоретика и идеолога *неолиберализма* (или, что то же, неоконсерватизма) Фридриха фон Хайека, «свободный рынок» – это универсальный принцип человеческих отношений. Главное и абсолютное его достоинство, утверждал он, произвольно экстраполи-

---

<sup>1</sup> Фатализм в отношении хода общественного развития не обязательно имел религиозное происхождение. Можно вспомнить в этой связи историко-философские суждения Льва Толстого в романе «Война и мир»: «Есть две стороны жизни в каждом человеке: жизнь личная, которая тем более свободна, чем отвлеченнее ее интересы, и жизнь стихийная, роевая, где человек неизбежно исполняет предписанные ему законы. – Человек сознательно живет для себя, но служит бессознательным орудием для достижения исторических общечеловеческих целей» (Толстой 1996: 164).

<sup>2</sup> «Отдельные несчастья создают общее благо, так что чем больше таких несчастий, тем лучше», – иронизировал по этому поводу Вольтер словами своего литературного героя доктора Панглоса (Вольтер 1758).

руя прошлое на настоящее и будущее, именно в его стихийности, в господстве безличных и лишь кажущихся «иррациональными» рыночных сил. Любые попытки сознательного управления обществом, утверждал Хайек, пагубны<sup>3</sup>. Человек должен подчиниться рыночной стихии в своих собственных интересах, так как единственная альтернатива – подчинение власти, «столь же неконтролируемой, а потому деспотичной» [Хайек 1991].

Рыночные механизмы, рассуждал Хайек, хорошо согласуются со стихийным же ростом населения, поскольку это способствует все большему разделению и дифференциации труда, и тем самым росту общественной производительности и благосостояния людей. Природа же позаботится о том, чтобы численность населения той или иной страны не превысила наличной ресурсной базы. Стихийные «внутренние силы» сами приведут численность населения в соответствие со способностью народа обеспечить свое существование соответствующими производственными возможностями [Его же 1992: 215].

Порядок, по утверждению философа, нельзя создать разумом. Он создается только «отбором», присущим как биологической, так и культурной эволюции. Попытки представить естественный отбор как универсальную стратегию максимизации выживания наиболее приспособленных антиисторичны и несостоятельны с научной точки зрения [см., например: Козловски 1996: 80 и сл.]. Хайек, впрочем, и не скрывал, что его аргументация направлена против всякого сознательного вмешательства в процессы общественно-политического развития.

Предвзятость заставляла закрывать глаза на существенные изъяны рыночного порядка. «Горькая правда состоит в том, что наша экономическая система частично слепа. Многое она видит, но многого и не замечает», – писал бывший вице-президент Соединенных Штатов Альберт Гор [1999: 560]. Но «частично слепа» – это еще не вся правда. Слепота рыночной системы проявляется не только в склонности многих предпринимателей в погоне за прибылью перекладывать на общество побочные социальные и экологические издержки. Рыночные акторы руководствуются преимущественно краткосрочными целями, ориентируясь на скорую прибыль, а не на долгосрочные интересы общества. В условиях развитой экономики они провоцируют сверхпотребление, расточительность, навязывая часто иррациональные потребительские стандарты [Вебер 2018]. *Рынку присуща тенденция к безграничной экспансии – в том числе в сферу социальных услуг, культуры, спорта и даже в сферу идеологии и политики.*

### **В поисках альтернативы**

Зачатки критического отношения к существующему общественному устройству возникли еще в далеком прошлом – в форме утопических, фантастических мечтаний, неизбежно приобретающих религиозную окраску. Сначала в трудах отдельных античных философов, позднее в идеалах раннего христианства и хили-

---

<sup>3</sup> Односторонность своего подхода Хайек фактически признал сам, сделав в последней своей книге оговорку: его упор на спонтанность может, мол, ввести в заблуждение, если создаст у читателя впечатление, будто сознательно создаваемые и управляемые организации совершенно не важны. Но такие организации, в том числе государственные, от которых можно ожидать «громкого продвижения вперед», полезны лишь в качестве элементов «спонтанного макропорядка», его «обрамления» [Хайек 1992: 67–68].

азме. Примерно с XVI в. социальные утопии уже несут в себе элементы критики нарождающегося буржуазного общества (Томас Мор).

XVI–XVIII вв. – это время, когда в Западной Европе появляется все больше сочинений в духе идей утопического социализма и коммунизма. Эпоха Просвещения ознаменовалась распространением этих идей с позиции абстрактных представлений о первоначальном «естественном состоянии» человека (Жан-Жак Руссо). Порожденный борьбой против феодальных порядков просветительский *прогрессизм* отражал интересы так называемого третьего сословия, отождествляемые с общим благом, с нравственным прогрессом общества (Жак Тюрго).

Социальные последствия Великой французской революции основательно поколебали связанные с просветительскими идеалами «свободы, равенства, братства» надежды на всеобщий прогресс, принеся немало разочарований. Но способствовали одновременно радикализации утопических идей социализма и коммунизма (Гракс Бабёф, бабувизм). Появилась и плеяда великих социалистов-утопистов XIX в., взгляды которых основывались на элементах объективного анализа социальных последствий поднимавшегося промышленного капитализма (Клод Анри Сен-Симон, Роберт Оуэн, Шарль Фурье). Однако в целом они оставались еще на почве идеалистической мечты о гармонии отношений между людьми, между человеком и природой. Основанные на этом представлении проекты неизменно терпели неудачу в столкновении с действительностью.

Такое развитие общественной мысли подготовило почву для решения задачи более высокого порядка – открытия «естественного закона» развития общества как «естественно-исторического процесса», что было, по словам Карла Маркса, его целью при создании «Капитала» [Маркс 1960: 10]. Воспринятую им идею коммунизма Маркс сначала понимал не как «завершенный натурализм», равный гуманизму, а как «завершенный гуманизм» – равный натурализму; как «*действительное* разрешение противоречия между человеком и природой» [Его же 1974: 116]. В этом отразилось, возможно, испытанное в молодости влияние традиционной для того времени натурфилософии, которое Маркс и Энгельс довольно быстро преодолели, подвергнув в дальнейшем натурализм предметной критике как «ложно понятой природной, натуралистической жизни» [Его же 1968: 17].

В дальнейшем отношение человека к природе, взаимосвязь истории общества и истории природы заняли в трудах Маркса особое место. Изучение общества, по его словам, должно исходить из природных основ существования человека и тех их изменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории [Маркс, Энгельс 1955: 19]<sup>4</sup>. Природа для человека – это и общее условие жизни, и один из главных факторов общественного производства (первоисточник его средств и предметов), и источник общественного богатства наряду с трудом.

Разделяя характерные для его времени надежды на социальный прогресс, на неисчерпаемость природных ресурсов, Маркс предполагал, что с устранением господства капитала и переходом в перспективе к коммунизму откроются новые безграничные возможности увеличения производства, устранения массовой ни-

---

<sup>4</sup> В наше время эту мысль Маркса плодотворно развивал советский и российский ученый Э. С. Кульпин-Губайдуллин (1939–2015) – основатель и постоянный руководитель научного проекта «Проблемы социоестественной истории» [Кульпин-Губайдуллин 2014].

щеты и перехода на определенном этапе к распределению сначала «по труду», а потом и «по потребностям».

Маркс поставил вопрос о необходимости *осознания* стихийных предпосылок развития и подчинения его общественному контролю. Он обратил внимание на тот факт, что в процессе развития общества возникает тенденция к усилению противостояния человека и природной среды, угроза разрушительных последствий производственной деятельности людей для природы. Как Маркс заметил однажды в письме Энгельсу, ссылаясь на исторические примеры, «культура (то есть совокупные результаты человеческой деятельности. – А. В.), если она развивается стихийно, а не *направляется сознательно*, – оставляет после себя пустыню...» [Маркс, Энгельс 1968: 263].

Маркс связывал это с феноменом «отчужденного труда», с перекосом в системе «человек – природа», порождаемым присущей капиталу безоглядной и расточительной эксплуатацией природных ресурсов. Общество «ассоциированных производителей», полагал он, со временем научится рационально регулировать отношения в системе человек – природа – «при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей» [Маркс 1962: 387].

Увы, если это предположение и оказалось в некоторых отношениях не совсем неверным, то все же слишком оптимистичным. Хотя со второй половины XX в. регулятивные функции государства значительно расширились, охватив не только экономическую и социальную сферы, но и защиту природной среды, проводимая в этом направлении политика остается непоследовательной и ограниченной полумерами. Это объясняется во многом сращиванием государственного аппарата с крупным бизнесом, с влиянием интересов корпораций на деятельность государства.

### **Стихийность или направляемое развитие?**

XX век поставил человечество перед новыми, судьбоносными вызовами. Мировая война, революция в России, октябрьский переворот придали новую, особую остроту спорам о судьбах капитализма и социализма. В либеральных кругах с энтузиазмом восприняли направленную против социализма книгу Людвига фон Мизеса, первое издание которой вышло в 1922 г. [Мизес 1996]. Всю свою впечатляющую эрудицию он направил на стремление развенчать социалистическую идею, противопоставив ей идеализированную модель саморегулирующегося рынка. Только рыночные отношения, настаивал он, способны направлять развитие общества к общему благосостоянию.

Критические стрелы Мизеса были непосредственно адресованы *этатистскому* социализму – как системе полного огосударствления и централизованного планирования экономики, а косвенно – социалистической идее и политике вообще. Люди, полагал он, сознательно выбрали либерализм по утилитарным соображениям пользы и выгоды. Общее благо не должно быть целью человеческой деятельности, оно лишь следствие заботы людей о собственных интересах. Только свободный рынок и только частная собственность, принимаемая «без каких бы то ни было ограничений и оговорок» [Там же: 328], создают возможность экономического расчета и тем самым существования и развития общества. Любые попыт-



ки сконструировать систему экономического расчета для социалистического хозяйства он категорически отвергал [Мизес 1996: 329–332]<sup>5</sup>.

Иной вывод из кризиса капиталистической системы сделал в 30-е гг. прошлого века британский экономист Джон Мейнард Кейнс (1936): ради спасения капитализма нужно отказаться от идеи саморегулирующегося рынка в пользу регулируемого капитализма [Кейнс 2007]. Интерес к практике планирования экономики побудил Кейнса трижды посетить Советскую Россию (в 1925, 1928 и 1936 гг.). Его идеи получили широкое общественное признание, в том числе со стороны европейской социал-демократии. После Второй мировой войны кейнсианское регулирование стали практиковать правительства многих западных государств.

Более радикальные выводы из провалов доктрины «свободного рынка» сделал австрийский экономист и социолог Карл Полян, книга которого «Великая трансформация» вышла в том же 1944 г., что и «Дорога к рабству» Хайека. Угроза фашизма, по мнению Поляна, – это результат кризиса рыночной системы, утвердившейся на Западе в Новое время при активном содействии государства [Полян 2002].

К. Полян пронизательно оценивал негативные последствия рыночной трансформации общества. Рыночное общество, считал он, несет в себе элементы саморазложения. Ничем не ограниченный рынок «не мог бы существовать сколько-нибудь долго, не разрушая при этом человеческую и природную субстанцию общества; он бы физически уничтожил человека, а среду его обитания превратил в пустыню» [Полян 2002: 12–14]. Возможности расширения свободы человека, утверждал экономист, в его освобождении как от жесткого подчинения государству, так и от подчинения диктату рынка. В отличие от Маркса, альтернативу капиталистическому рынку Полян видел не в устранении рынка, а в его ограничении тем, что производится человеческим трудом, то есть в выведении рабочей силы и природных ресурсов из сферы рыночных отношений.

Поиски альтернативы шли также в плоскости отношений общества и природы. Естественное желание мыслящих людей найти подтверждение надеждам на лучшее будущее привело еще в 20-е гг. прошлого столетия к появлению концепции ноосферы. Последняя понималась как новая стадия естественной эволюции биосферы, реализация «божественного промысла» (Эдуард Леруа, Пьер Тейяр де Шарден), либо как переход биосферы в новую стадию естественной эволюции благодаря сознательному и целенаправленному воздействию на нее человеческого разума (В. И. Вернадский), либо как синоним «коэволюции» общества и природы, их согласованного совместного развития (Н. Н. Моисеев).

Представление о «коэволюции» сразу же встретило веские возражения. Временные параметры и темпы эволюции общества и природы несопоставимы. Оснований предполагать возможность эволюции природы «в сторону человека» нет [Данилов-Данильян 1998]. Это человечество, в конечном счете, должно приспособить свое бытие к изменяющимся вследствие его же деятельности природным условиям<sup>6</sup>.

<sup>5</sup> Тем не менее проблема эффективности хозяйствования при социализме стала в межвоенный период предметом дискуссии, возникшей в связи со стремлением теоретически обосновать идею «рыночного социализма» (Оскар Ланге и др.).

<sup>6</sup> В отношении идей универсального (глобального) эволюционизма и коэволюции общества и природы существуют и другие мнения [см.: Зинькина и др. 2016: 9, 10].

### Глобализация – антитеза политике устойчивого развития

О глобализации как одной из ведущих тенденций мирового развития заговорили со второй половины 80-х гг. прошлого века, когда на Западе происходил переход к так называемым «потребительскому обществу» и «экономике услуг», а глобальные процессы (корни которых лежат в более отдаленном прошлом) приобрели новое качество в результате революции в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Центр дискуссий о положении в мире несколько сместился – от идеологического спора о преимуществах капитализма или социализма в более практическую плоскость, поиски ответа на новые глобальные вызовы. Появилась концепция *устойчивого развития* как возможного ответа на кризис индустриализма и порожденные им социально-экологические проблемы и риски. Хотя она получила широкое общественное признание, в правящих кругах западных стран возобладали стремление использовать объективный процесс глобализации для продвижения своих гегемонистских притязаний.

Процессы глобализации ввиду неравного положения государств в мировой системе сами по себе ведут к столкновению интересов, которое политика нелиберального глобализма неизбежно обостряет [Чумаков 2019]. По признанию такого искушенного аналитика, как Збигнев Бжезинский, для большей части американских правящих кругов глобализация стала не просто фактом, но и четкой нормой, не только диагнозом, но и программой действий. Установка на использование глобализации в интересах глобальной гегемонии США, всего «коллективного Запада» превратилась в Америке в национальное кредо, стала там «естественной доктриной глобальной гегемонии», своекорыстной доктриной, предназначенной укреплять «собственные национальные преимущества» [Бжезинский 2007: 185–189].

Глобализация, как заявил один из участников Давосского экономического форума, создала мир, где все отдано на откуп финансовому капиталу. Ближайшим следствием рыночного глобализма, распространявшего нелиберальные «рыночные ценности» на весь мир, на все сферы общественной жизни, включая культуру, образование, средства массовой информации, стало все большее отклонение социально-экономического развития в мире от задач и целей устойчивого развития. Эту тенденцию зафиксировало статистическое измерение корреляции индексов глобализации и устойчивого развития в международном масштабе.

#### Показатели корреляции Маастрихтского индекса глобализации (МИГ)<sup>7</sup> и индекса устойчивого развития (ИУР), 2010 г.

Категории	МИГ/ИУР	МИГ/Индекс ОС*
Общий** в том числе:	0,170	--0,291
Экономика	0,202	--0,404
Политика	--0,051	0,086
Экология	0,021	0,211

\* Окружающая среда.

\*\* Значения: 0,3 и менее – слабая связь; 0,4–0,7 – умеренная; 0,7 и более – высокая.

Источник: Россия... 2010: 217 (там же приведены показатели по другим категориям измерения, а также методология расчета МИГ).

<sup>7</sup> Маастрихтский индекс глобализации был разработан в Международном центре комплексной оценки и устойчивого развития Маастрихтского университета в Нидерландах (2000–2008 гг.). Включал семь групп обобщенных показателей глобальных процессов.

Показатели корреляции, приведенные в таблице, значительно ниже верхней границы «слабой связи» или отрицательные. При этом отрицательным оказалось значение корреляции индексов глобализации и состояния окружающей среды (общего и особенно в категории «экономика»), как и значение корреляции индексов глобализации и устойчивого развития в категории «политика».

И это понятно. Политика рыночного глобализма способствовала обострению угрозы истощения жизненно важных природных ресурсов, нарастанию глобального экологического кризиса, привела к ухудшению морального климата в мире, к проявлениям духовной деградации. Давно высказывавшиеся предположения о природных пределах экономического роста получили научное подтверждение.

Убедительные доказательства физических пределов представили Деннис Медоуз и его коллеги из Массачусетского технологического института (США). В докладе Римскому клубу «Пределы роста» (1972) они на основе анализа огромного массива эмпирических данных показали, что сохранение достигнутых в XX в. тенденций роста может с большой вероятностью привести в следующем столетии к катастрофическим последствиям, если не произойдет изменения преобладающего типа социально-экономического развития [Медоуз и др. 1991]<sup>8</sup>. Представление о пределах роста получило в дальнейшем новое подтверждение, когда стало вполне очевидным, что антропогенное воздействие на биосферу приводит к изменению климата, глобальному потеплению и сопутствующим ему все более опасным и разрушительным природным катаклизмам.

Стала привлекать все большее внимание и другая сторона последствий односторонности капиталистической модели развития – социальные пределы роста [Hirsch 1978]. Подразумевались, в сущности, все более явные признаки пределов рыночной эффективности. В странах сравнительно высокого уровня развития граждане в своей частной жизни стали испытывать ощутимую зависимость от общественных условий, от потребительской деятельности других людей. Заинтересованность рыночных акторов в форсировании массового спроса оборачивалась снижением удовлетворения от все новых благ и услуг, так как приводила к психологическому дискомфорту. Возрастал запрос на защиту частной жизни, прав потребителей, на доступность коллективных услуг (медицинских, образовательных, рекреационных – то, что получило на Западе название «невольного коллективизма»).

В массовом сознании экологические и технологические риски все больше стали восприниматься не только как «внешние» угрозы, но и как фактор «внутренней» психологической мотивации поведения. Все больше людей на Западе стали сознавать необходимость изменения образа жизни, отказа от чрезмерного и расточительного потребления. Изменение климата, глобальное потепление начали восприниматься как реальная угроза не только в Европе и США, но и в развивающихся странах Азии, Латинской Америки, Африки. Опросы, проводившиеся в 2006–2010 гг., показали возросший к тому времени уровень поддержки действенных мер для решения проблемы климата, в том числе направленных на использование альтернативных источников энергии [Public...].

---

<sup>8</sup> В опубликованном спустя 20 лет новом издании доклада авторы подтвердили первоначальные выводы, ответили своим критикам и констатировали выход мировой экономики за пределы допустимого [Медоуз и др. 1994].

За этими изменениями в массовом сознании нельзя не видеть и разительного контраста между активным (деятельным) и пассивным (вербальным) экологическим сознанием. Поддержка на словах назревших изменений в политике не означает соответствующих изменений в повседневном поведении, которое определяется и реальными условиями бытования в рыночной среде, и непосредственными потребительскими интересами. Бытовой эгоизм в поведении людей распространен достаточно широко. Это продемонстрировало сопротивление очень многих людей (особенно молодого поколения) ограничительным мерам в период пандемии коронавируса начала 2020-х гг. как нарушению их личных прав и свобод, невзирая на то, что пренебрежение этими мерами одних подвергало опасности множество других граждан.

Другой настораживающий феномен – увлечение безоглядным техницизмом, абсолютизация технического прогресса, несущего во многих случаях непредвиденные опасности для человека. Это и самые замысловатые бытовые роботы, и искусственный интеллект, и беспилотные транспортные средства, и проекты чипирования людей, то есть соединения человеческого мозга с электронными устройствами, – все то, что вольно или невольно превращает человека в придаток «умной» техники.

Так видят будущее адепты идей постгуманизма. Несколько иной, но сходный вариант видения будущего – теория «универсального конструктивизма» [Ильин 2019: 16]. Человек-творец мыслится как «распорядитель мирового целого», утверждающий «человекообразное сущее», определяемое не объективным, природным, а субъективным проектным законом. Надо превозмочь природу и сформировать «иноприродное царство культуры» – собственно антропоного существования [Там же: 25].

Можно в земных или внеземных условиях искусственно создать условия для временного изолированного существования отдельного человека или какой-то группы. Однако человечество в целом, человеческий род, не в силах избежать зависимости от внешней природы, к которой оно принадлежит, как бы ни возвышалось над нею духовно. Точно так же и отдельный человек не в силах физически освободиться от своей биологической природы [Олейник 2016].

### Заключение

Принципам и целям устойчивого развития как стратегии выживания человечества нет разумной альтернативы. Хотя, как известно, эту идею часто и порой справедливо критикуют. Это понятие в его первоначальном определении (из которого исходила комиссия Брундтланд) действительно оказалось уязвимым для критики. Оно требует более строгого, более взвешенного научного определения.

Устойчивое развитие надо понимать как развитие *направляемое* – не директивно, а индикативно, на основании признанных наукой пределов антропогенного воздействия на природную среду. Будущее за правильно понятой концепцией устойчивого развития, если, конечно, в мировой политике возобладает разумный выбор приоритетных целей в долгосрочной перспективе.

Возможности выхода на более жизнеспособную модель развития существуют [Henderson 1994]. О них говорится в программных документах ООН, в том числе одобренных на саммитах ООН, в публикациях различных национальных и

международных исследовательских центров, в трудах многих зарубежных и российских ученых, а меры в этом направлении находят поддержку в общественном мнении.

Но велика и инерция сопротивления. Чтобы возможное стало действительным, требуется политическая воля руководителей государств, мировых лидеров. Они должны дать миру шанс на глобальную безопасность и надежное будущее.

### *Литература*

- Белик А. А. Человек в экономической антропологии. М. : Ипполита, 2013.
- Бжезинский З. Выбор: Глобальное господство или глобальное лидерство? М. : Международные отношения, 2007.
- Вебер А. Б. Рынок и общество. Экономическое и социальное в общественных процессах. М. : ЛИБРОКОМ, 2018.
- Вебер М. История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории. Петроград : Наука и школа, 1924.
- Вольтер. Кандид, или оптимизм. 1758 [Электронный ресурс]. URL: [https://www.100bestbooks.ru/item\\_info.php?id=515](https://www.100bestbooks.ru/item_info.php?id=515) (дата обращения: 06.03.2022).
- Гор А. Земля на чаше весов: в поисках новой общей цели // Новая индустриальная волна на Западе. Антология. М. : Academia, 1999. С. 557–571.
- Данилов-Данильян В. И. Возможна ли коэволюция природы и общества? // Вопросы философии. 1998. № 5. С. 15–25.
- Зинькина Ю. В., Ильин И. В., Андреев А. И., Алешковский И. А., Коротаев А. В. Историческая глобалистика. Т. I. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2016.
- Ильин В. В. Универсальный конструктивизм – новая философия глобальной цивилизации // Век глобализации. 2019. № 4. С. 16–25.
- Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М. : Эксмо, 2007.
- Козловски П. Этика капитализма. Эволюция и общество. Критика социобиологии. СПб. : Экономическая школа, 1996.
- Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград : Учитель, 2014.
- Логвинов В. В. Открытия и достижения науки и техники за последние 570 лет: Летопись 1440–2010. М. : URSS, 2015.
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. I / Маркс К., Энгельс Ф. // Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 23. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960.
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. Кн. III / Маркс К., Энгельс Ф. // Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1962.
- Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов / Маркс К., Энгельс Ф. // Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1968.
- Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / Маркс К., Энгельс Ф. // Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 42. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1974.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Маркс К., Энгельс Ф. // Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 3. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955.

- Маркс К., Энгельс Ф. Письма о «Капитале». М. : Политиздат, 1968.
- Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рэндерс Й., Беренс В. В. III. Пределы роста. М. : Изд-во МГУ, 1991.
- Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рэндерс Й., Беренс В. В. III. За пределами роста: Предотвратить глобальную катастрофу. Обеспечить устойчивое будущее. М. : Прогресс, Пангея, 1994.
- Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. М. : Catallaxy, 1996.
- Олейник Ю. В. Социоестественная история и современность // История и современность. 2016. № 2. С. 41–58.
- Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб. : Алетейя, 2002.
- Россия в окружающем мире: Аналитический ежегодник. 2010. Вып. 13.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Эксмо, 2020.
- Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 8 т. М. : Лексика, 1996. Т. 3.
- Фромм Э. Иметь или быть? М. : Прогресс, 1986.
- Хайек Ф. А. Дорога к рабству // Новый мир. 1991. № 8.
- Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М. : Новости, Catallaxy, 1992.
- Чумаков А. Н. Глобальный мир : столкновение интересов. М. : Проспект, 2019.
- Яркова Е. Н. Утилитаризм как тип культуры. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001.
- Henderson H. Building a Win-Win World: Life Beyond Global Economic Warfare. San Francisco : Berrett-Koeler Publishers, 1994.
- Hirsch F. Social Limits to Growth. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1978.
- Public around the World Call for Greater Efforts to Address Climate Change [Электронный ресурс]. URL: [http://worldpublicopinion.org/incl/ptintable\\_version.php?pnt=694](http://worldpublicopinion.org/incl/ptintable_version.php?pnt=694) (accessed: 25.05.2016).

### **References**

- Belik A. A. Chelovek v ekonomicheskoy antropologii [Man in Economic Anthropology]. Moscow : Ippolita, 2013.
- Brzezinski Z. Vybor: Global'noye gospodstvo ili global'noye liderstvo? [The Choice: Global Domination or Global Leadership?]. Moscow : Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2007.
- Veber A. B. Rynok i obshchestvo. Ekonomicheskoye i sotsial'noye v obshchestvennykh protsessakh [Market and Society. Economic and Social in Social Processes]. Moscow : LI-BROCOM.
- Weber M. Istoriya khozyaystva. Ocherk vseobshchey sotsial'noy i ekonomicheskoy istorii [Economy and Society : An Outline of Interpretive Sociology]. Petrograd : Nauka i shkola, 1924.
- Voltaire. Kandid, ili optimizm [Candid: Optimism]. 1758. URL: [https://www.100best-books.ru/item\\_info.php?id=515](https://www.100best-books.ru/item_info.php?id=515) (accessed: 06.03.2022).

Gore A. L. Zemlya na chashe vesov: v poiskakh novoy obschey tseli [Earth on the Balance: Forging a New Common Purpose] // Novaya industrial'naya volna na Zapade: Antologiya. Moscow : Academiya, 1999. Pp. 557–571.

Danilov-Danil'yan V. I. Vozmozhna li koevoljuciya prirody i obschestva? [Is it Possible to Co-evolve Nature and Society?] // Voprosy filosofii. 1998. No. 5. Pp. 15–25.

Zin'kina U. V., Il'in I. V., Andreyev A. I., Aleshkovsky I. A., Korotayev A. V. Istoričeskaya globalistika [Historical Global Studies]. Vol. I. Moscow : Izd-vo Mosk. un-ta, 2015.

Il'in V. V. Universal'nyy konstruktivism – novaya filosofiya global'noj tsivilizatsii [Universal Constructivism: A New Philosophy of Global Civilization] // Vek globalizatsii. 2019. No. 4. Pp. 16–25.

Kaynes J. M. Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg. Izbrannoye [The General Theory of Employment, Interest and Money. Selected Works]. Moscow : Eksmo, 2007.

Koslowski P. Etika kapitalizma. Evolyutsiya i obshchestvo. Kritika sotsiobiologii [Ethics of Capitalism. Evolution and Society. Critique of Sociobiology]. St. Petersburg : Ekonomicheskaya shkola, 1996.

Kul'pin-Gubaydullin E. S. Sotsioestestvennaya istoriya; ot metoda k teorii, ot teorii k praktike [Socio-Ecological History: From Method to Theory, from Theory to Practise]. Volgograd : Uchitel', 2014.

Logvinov V. V. Otkrytiya i dostizheniya nauki i tekhniki za posledniye 570 let: Letopis' 1440–2010 [Discoveries and Achievements of Science and Technology in the Last 570 Years: Chronicle 1440–2010]. Moscow : URSS, 2015.

Marx K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii [Capital: A Critique of Political Economy]. Vol. 1. Book I / Marx K., Engels F. // Soch. [Works]: in 50 vols. 2<sup>nd</sup> ed. Vol. 23. Moscow : Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1960.

Marx K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii [Capital: A Critique of Political Economy]. Vol. 3. Book III / Marx K., Engels F. // Soch. [Works]: in 50 vols. 2<sup>nd</sup> ed. Vol. 25. Part II. Moscow : Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1962.

Marx K. Ekonomicheskiye rukopisi 1857–1859 godov [Foundations of a Critique of Political Economy] / Marx K., Engels F. // Soch. [Works]: in 50 vols. 2<sup>nd</sup> ed. Vol. 46. Part I. Moscow : Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1968.

Marx K. Ekonomicheskoye filosofskoye rukopisi 1844 goda [Economic and Philosophic Manuscripts of 1844] / Marx K., Engels F. // Soch. [Works]: in 50 vols. 2<sup>nd</sup> ed. Vol. 42. Moscow : Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1974.

Marx K., Engels F. Nemetskaya ideologiya [The German Ideology]. Moscow : Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1955.

Marx K., Engels F. Pis'ma o "Kapitale" [Letters on "Capital"]. Moscow : Politizdat, 1969.

Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J., Berens W. W. III. Predely rosta [The Limits to Growth]. Moscow : MSU Publishing House, 1991.

Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J., Berens W. W. III. Za predelami rosta: Predotvratit' global'nuyu katastrofu. Obespechit' ustoychivoye budushcheye [Beyond the Limits: Confronting Global Collapse, Envisioning a Sustainable Future]. Moscow : Progress, Pangeya, 1994.

Mises L. Sotsializm. Economicheskij i sotsiologicheskij analiz [Socialism. An Economic and Sociological Analysis]. Moscow : Catallaxy, 1994.

Oleynik U. V. Sotsioestestvennaya istoriya i sovremennost' [Socio-ecological History and Modernity] // *Istoriya i sovremennost'*. 2016. No. 2. Pp. 41–58.

Polanyi K. Velikaya transformatsiya: politicheskiye i ekonomicheskkiye istoki nashego vremeni. [The Great Transformation: Political and Economic Sources of Our Time]. St. Petersburg : Aleteyya, 2002.

Rossiya v okruzhayushchem mire: Analiticheskij yezhegodnik [Russia in the Surrounding World: Analytical Yearbook]. 2010. Vol. 13.

Smith A. Issledovaniye o prirode i prichinakh bogatstva narodov [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow : Eksmo, 2020.

Tolstoy L. N. Sobr. soch. [Works]: in 8 vols. Moscow : Leksika, 1996. Vol. 3.

Fromm E. Imet' ili byt'? [To Have or to Be?]. Moscow : Progress, 1986.

Hayek F. A. Doroga k rabstvu [Road to Serfdom] // *Novyy mir*. 1991. No. 8.

Hayek F. A. Pagubnaya samonadeyannost'. Oshibki sotsializma [The Fatal Consequence. The Errors of Socialism]. Moscow : Novosti, Catalaxy, 1992.

Chumakov A. N. Global'nyy mir: stolknoveniye interesov [Global World: Clash of Interests]. Moscow : Prospekt, 2019.

Yarkova E. N. Utilitarizm kak tip kul'tury [Utilitarianism as a Type of Culture]. Novosibirsk, 2001.

Henderson H. Building a Win-Win World: Life Beyond Global Economic Warfare. San Francisco : Berret-Koeler Publishers, 1994.

Hirsch F. Social Limits to Growth. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1978.

Public around the World Call for Greater Efforts to Address Climate Change. URL: [http://worldpublicopinion.org/incl/ptintable\\_version.php?pnt=694](http://worldpublicopinion.org/incl/ptintable_version.php?pnt=694) (accessed: 25.05.2016).